

РЕЗЮМЕ

М. К. Амелина. Ударение в производных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъема

В настоящей статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями ямальского диалекта тундрового ненецкого языка в Тамбейской тундре и с. Сё-Яха Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа в апреле—сентябре 2010 г. и дополненные в 2014—2016 гг. при работе с носителями данного идиома уже в Москве. Данная статья посвящена вопросам супрасегментной фонетики этого диалекта (говора с. Сё-Яха и Тамбейской тундры Ямальского района ЯНАО). В ней выявлены основные и второстепенные акустические корреляты ударения в фонетически двусложных производных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема, в ямальском диалекте. В статье проанализирована комбинаторика основных и второстепенных акустических коррелятов ударения в ямальском диалекте и представлен вывод, что ударение в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка является экспираторно-квантитативным, т. е. основными акустическими коррелятами словесного акцента являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит экспираторный параметр, а для маркирования ударного гласного второго слога — темпоральный параметр, что связано с общими речевыми тенденциями (длительного произношения конечного открытого слога и более громкого и интенсивного произношения начала фонетического слова по сравнению с его концом соответственно).

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, ямальский диалект, ударение, словесный акцент, акустические корреляты ударения, гласные верхнего подъема

С. А. Максимов. Мифологические аспекты названий божьей коровки в удмуртском языке

Наименования божьей коровки в удмуртском языке исследованы достаточно хорошо. Лингвистическая карта «Божья коровка» и комментарий к ней, представляющий собой преимущественно лингвистический анализ способов обозначений насекомого, нашли отражение в первом выпуске Диалектологического атласа удмуртского языка. Целью настоящей работы является прежде всего попытка реконструкции мифологических сюжетов, связанных с названиями божьей коровки.

Исследование мифологических аспектов названий божьей коровки позволило уточнить происхождение и эволюцию номинаций насекомого, которых насчитывается более 70 единиц. Выявлено, что причиной огромного разнообразия наименований послужило поверье, согласно которому божья коровка может приносить дождь или предсказывать погоду. Источником для исследования послужили как опубликованные заклички-заклинания, так те, которые были записаны автором в полевых условиях. Анализ детских закличек — обращений к божьей коровке позволил сделать вывод, что они имитируют языческое моление богам с просьбой о дожде. Сама же божья коровка символизирует жертвенное животное рыжей масти, предназначенное богу погоды Куазю.

Мифологические представления и детские заклички послужили источником разных названий насекомого, появившихся в связи с новыми тенденциями развития общества и языка, к которым, в частности, можно отнести инокультурные влияния. В этом отношении детские заклички в определенной степени сближаются с заговорами, благодаря им в удмуртских диалектах возникло и сохранилось огромное количество названий божьей коровки.

Но не во всех удмуртских диалектных группах этот жучок «приносит дождь». Под влиянием иной (чувашской) культуры у бесермян, а также у глазовских и юкаменских удмуртов (северные удмурты) древний миф о божьей коровке подвергся разрушению, исчезли детские заклички, произошла унификация названий.

Ключевые слова: удмуртский язык, названия божьей коровки, фольклор, заклички-заклинания, мифология, реконструкция мифологического сюжета, инокультурное влияние

В. А. Панов. Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе

Статья посвящена заключительным частицам бурятского языка. Заключительные частицы подробно описаны для таких языков, как японский и кантонский китайский, однако не вполне осмыслены таком качестве для бурятского языка. В статье анализируются семантические и морфосинтаксические свойства наиболее употребительных бурятских заключительных частиц, а также дается обзор феномена заключительных частиц в ареальной перспективе (анализируются данные некоторых других монгольских языков, а также языков других семей Восточной и Юго-Восточной Азии). Высказывается предположение об ареальном характере заключительных частиц в бурятском языке.

Ключевые слова: заключительные частицы, бурятский язык, ареальная типология, языки Восточной и Юго-Восточной Азии

ДИСКУССИИ

Н. Г. Шаймердинова. Анализ системы консонантизма в казахских памятниках конца XIX — начала XX вв.

В статье рассматриваются пять казахских памятников конца XIX — начала XX вв. Выявляются особенности их консонантизма, проявляющиеся в орфографии, в сопоставлении с современным литературным казахским («крен» в сторону звонких согласных, нарушение сингармонизма, внутрисловные стяжения, вставки и выпадения фонем). Отмечается, что рассматриваемые памятники отражают определенный этап исторического развития казахского языка, в частности, процесс фонематизация аллофонов по глухости / звонкости. Выделяются основные факторы, обуславливающие фонетические различия между памятниками и современным литературным казахским (орфоэпические тенденции, влияние на язык памятников диалектов и говоров, влияние других языков (арабского, русского, тюркских языков)).

Ключевые слова: тюркские языки, казахский язык, орфография, литературная норма, консонантизм, заимствования, фонетические переходы

А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская. Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы

Анализ употребления гласных и согласных графем в пяти кириллических книгах, подготовленных в рамках деятельности Киргизской миссии в конце XIX — начале XX вв., позволяет предположить, что они были написаны по крайней мере в четырех разных орфографических системах:

I тип представлен книгами [Училище 1892; Букварь 1892]. В них частотны особые написания только для соответствий лит. каз. *і, ү*. Губной сингармонизм представлен только на непервых узких гласных и отражается приблизительно в 50% случаев, независимо от ряда слова и широты / узости корневого гласного. На конце слова достаточно регулярно (примерно в 95% случаев) употребляется *-б* в соответствии с лит. каз. *-п*, что может быть связано с первоначальной ориентацией на принятую для среднеазиатского тюрки арабскую орфографию; т. е. с тем, что в процессе создания этих книг новые орфографические принципы находились в стадии разработки.

II тип — [Крещение 1892]. Особые написания присутствуют не только для лит. каз. *і, ү*, но и для *ұ, ө, е, ә*. Губной сингармонизм на непервых узких гласных зафиксирован достаточно последовательно, значительно более часто, чем в [Училище 1892; Букварь 1892], но только после узких огубленных гласных (*у, ү*) первого слога. После широких огубленных корневых гласных губной сингармонизм практически не отражается. Написание *-б* в соответствии с лит. каз. *-п* зафиксировано крайне редко.

III тип — [Словарь 1897]. Особые написания в нем присутствуют для всех гласных, кроме *ы*, примерно в 20% случаев и демонстрируют сходство с татарско-башкирской рефлексацией тюркских гласных, что может объясняться влиянием соседних диалектов. Написание *-б* в соответствии с лит. каз. *-п* в исконной лексике не зафиксировано. Губной сингармонизм выглядит своеобразно: на узких гласных непервого слога он проведен последовательно после узких огубленных корневых гласных и значительно менее последовательно после широких огубленных корневых гласных; на широких гласных непервого слога — только в переднерядных словах после узкой *ү*. Похоже, что к тому же типу относится грамматика [Катаринский 1906], но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

IV тип — [Букварь 1908]. Орфография практически совпадает с разговорной нормой современного литературного казахского языка по [Мусаев 2008].

Такое разделение коррелирует с историческими сведениями о расположении 4 центров

Миссии в Семипалатинской и Акмолинской областях:

- Центральный стан, в Семипалатинской Заречной Слободке.
- Мало-Владимирский стан, в селе Мало-Владимирском Семипалатинского уезда.
- Буконский стан, в поселке Преображенском Устькаменогорского уезда.
- Александровский стан, в поселке Александровском Павлодарского уезда.

На основании исторических данных о том, что книги до 1895 г. создавались только в Семипалатинской области, I и II тип можно надежно связать со станами Семипалатинского и Устькаменогорского уездов (и предположить для них соответствующий диалектный субстрат).

Информация об участии в создании книг III типа [Словарь 1897; Катаринский 1906] Султана Бахтигиреева из г. Уральска позволяет предположить, что местом создания этих книг были станы в Акмолинской области и, конкретно, Александровский стан в Павлодарском уезде.

Особенности сингармонизма в [Букварь 1908], сближающие его, с одной стороны, с современным литературным языком, с другой — с книгами III типа [Словарь 1897; Катаринский 1906] делают допустимым предположение, что местом его создания также был Александровский стан в Павлодарском уезде. Это косвенно подтверждают и наши наблюдения над современными диалектами казахского языка.

Ключевые слова: тюркские языки, казахский язык, орфография, литературная норма, диалектная фонетика

РЕЦЕНЗИИ

П. П. Дамбуева. Рецензия на книгу: Ch. Bawden. A Tract for the Buryats. Wiesbaden, 2012. 131 с. (Ч. Боуден. Трактат для бурят. Висбаден, 2012. 131 с.)

Рецензия посвящена книге Ч. Боудена «Трактат для бурят» (Висбаден, 2012. 131 с.), в которой речь идет о христианских трактатах — переводах Евангелия для бурят и калмыков на старомонгольский и старокалмыцкий языки, напечатанных в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в.

Ключевые слова: автор, книга, Евангелие, бурятский язык, калмыцкий язык, монгольский язык, перевод, издатель, содержание книги